

мистика русской судьбы

Читайте романы Елены Хабаровой в цикле «Дети Грозы»:

ПРОПАВШИЕ НАСЛЕДНИКИ
ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ ПРИЗРАКА
В МОИХ ГЛАЗАХ – ТВОЯ ПОГИБЕЛЬ!
ЧЁРНАЯ КАРТА СУДЬБЫ

Елена
ХАБАРОВА

ПОСЛЕДНИЙ
ПРИЮТ ПРИЗРАКА

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х12

Художественное оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

Хабарова, Елена.
Х12 Последний приют призрака : роман / Елена Хабарова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Мистика русской судьбы).

ISBN 978-5-699-92237-6

Война перетасовала судьбы многих людей. Тамара Морозова – та женщина, к которой в роддоме попадает сын Грозы, – эвакуируется в Горький, случайно поселяется в доме Ольги Зиминой, подобравшей в ночь убийства девочку, – и брат с сестрой встречаются. Однако этих малышей, обладающих сверхъестественными способностями, по-прежнему ищет Ромашов-Мец, буруеваемый жаждой мести, а также шпионы Аненербе, которых посылает в Горький Вальтер Штольц. А еще ему необходимо раздобыть записки Грозы, в которых рассказывается, как он спасал священную для православной церкви реликвию – мощи Серафима Саровского. Только из этих записок можно узнать, где теперь находится бесценный артефакт, завладеть которым Штольц жаждет во что бы то ни стало!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92237-6

© Хабарова Е., 2016
© Коробейников В., иллюстрация
на переплете, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Есть на небесах Бог,
открывающий тайны.

Книга пророка Даниила

В судьбе нет случайностей.

Лев Толстой

ПРОЛОГ

*Окрестности Сарова, Нижегородская
губерния, апрель 1927 года*

Колеса телеги увязли в раскисшей колее проселочной дороги, и возчик устало простонал:

— Вот же сила нечистая! Который раз засели! Чего ж выбрали для таких важных дел самую распутицу?!

— Зря ты яришься, — сказал человек, сидевший в телеге на сене, положив на колени винтовку. Снял треух, обнажив лысую голову, зачем-то заглянул в шапку и снова глубоко надвинул ее на лоб. — Очень хорошо, что распутица, что ни пройти ни проехать. Встали бы дороги, так со всех окрестных сел народ бы собрался. Небось обложили бы, не дали бы ничего увезти, а то и постреляли бы нас из чащобы.

— Слышали вчера набат? — угрюмо проговорил второй седок, тоже вооруженный, настороженно всматриваясь в близко подступивший к дороге еще сквозной апрельский лес. — Вроде в Кременках ударили...

— Ну, Кременки от нас теперь далеко в стороне, — ухмыльнулся лысый. — Пускай они теперь хоть во все колокола звонят, толку-то!

— Слышь, товарищ Беляков, — сердито прервал его возчик, — и ты, Елисеев, давайте-ка слезьте да телегу подтолкните, а то лошадь надорвется.

Седоки безропотно положили винтовки на сено и спрыгнули в жидкую холодную грязь, сразу утонув по щиколотки. Беляков был в сапогах, Елисеев — в валенках с галошами, которые немедля увязли и сползли с ног.

Возчик, обутый так же, поглядел на него, хмыкнул на усы и не стал слезать с облучка.

— Пошла, пошла! — подхлестнул он вожжами лошадь. — Пошла, пошла, милая!

— Ты ее кнутом, дохлятину! — изо всех сил подталкивая телегу, задыхаясь, выкрикнул Беляков. — Небось взорлит!

— Взорлит! — сердито передразнил возчик, не обернувшись. — Нам на ней до самой Москвы тащиться. Как бы не надорвалась. Падет животина — что станем делать с нашим ценным-бесценным грузом? Так что навалитесь, граждане-товарищи!

— Без толку, — буркнул Елисеев, куда более подходяжний, чем крепкий, широкоплечий Беляков. — Давайте гати подмостим.

Упарившись, толкачи сняли с себя полушубки, побросали в телегу. Елисееву возчик дал топорик, Беляков орудовал охотничьим ножом.

Наломали веток, нарубили подлеска, набросали в грязь, опять взялись толкать с оханьем, да кряхтеньем, да матюгами — и наконец увязшее колесо выскочило, телега пошла, пошла, и хорошо взопревшие Беляков с Елисеевым только примерились вскочить в нее, как возчик снова натянул вожжи.

— Чего ты? — сердито крикнул было Беляков — и осекся, увидев впереди на дороге мужскую фигуру, слегка размытую странной легкой дымкой, какая курится в иной знойный солнечный день над лесной дорогой.

Солнца, впрочем, не было и в помине, да и зноя тоже. Какой зной в начале апреля? А если по-старому

посчитать, это и вовсе еще самый настоящий март. Спасибо скажешь, если не запуржит да не завьюжит!

— Кто такой? — крикнул Беляков, хватая с телеги винтовку и наводя на незнакомца.

Тот молчал и, чуть наклонив голову, переводил взгляд с одного на другого.

Беляков передернул плечами — начал пробираться озноб, и он пожалел, что не успел одеться, прежде чем откуда-то взялся этот незнакомец. Но в то же мгновение ему стало жарко — куда жарче, чем несколько минут назад, когда толкали телегу и мостили гать. Незнакомец стоял неподвижно, однако Белякову внезапно показалось, будто в него швырнули огненный ком, и тот угодил прямо в лицо!

С криком Беляков уронил винтовку, прижал ладони к лицу, отвернулся. Рядом жалобно попискивал Елисей и, мучаясь, басом голосил возчик.

Краем уха Беляков услышал чьи-то торопливые шаги, прочавкавшие по грязи мимо него, потом зашуршало сено, раздался скрежет гвоздей, и он понял, что с небольшого ящика, который лежал в телеге и который им велено было любой ценой доставить в Москву, срывают крепко прибитую крышку.

— Не троньте, гады! — завопил было Беляков, однако, стоило отнять руки от лица, как из обожженных глаз хлынули слезы.

— Есть! — крикнул мужской голос. — Всё здесь! Слышишь, Гроза?.. Да ты что, Гроза? Стой, держись! Эй, Касьян Егорович, помоги ему! Упадет же!

«Касьян Егорович» — это имя было знакомо Белякову. Касьян Егорович Петров! Так в миру звали иеромонаха¹ Саровского монастыря отца Киприана. Беляков знал об этом потому, что отец Киприан

¹ В православии так называется монах, имеющий сан священника. (Здесь и далее прим. автора.)

вместе с Беляковым и другими членами Пензенской¹ губернской комиссии подписывал некий акт, а там надо было указывать не какие-то старорежимные духовные прозвища, а подлинные мирские или, как теперь следовало говорить, гражданские имена.

— Вытаскивай оттуда все! — слышался задыхающийся голос с дороги. Звучал он слабо, однако Беляков понял, что это был голос молодого еще человека. Наверное, того самого, что встал им поперек пути и швырнул в лицо пламень. — Вытаскивай все и снова забей ящик!

— Поторопись, — крикнул кто-то еще, и Беляков узнал голос отца Киприана — Касьяна Петрова. Да уж, наслушался его причитаний, покуда потрошили колоду с этими мощами! А что такое мощи? Кости, больше ничего! Нет же, Касьян-Киприан крутил свою шарманку без остановки: святотатство, кощунство... Иной раз пристрелить его хотелось, честное слово. — Уходить пора! Поскорей, Гедеон!

«Гедеон! — повторил мысленно Беляков. — Гедеон! Уж не тот ли, кто был лесником при монастыре? Они его еще лесным хозяином звали. А кто ж такой Гроза? Голос молодой, незнакомый... Ну да ничего! Сыщу я вас... всех вас сыщу!»

Послышались удары молотка, потом шуршанье. Ящик забили, завалили сеном, понял Беляков.

Затем снова рядом раздались чавкающие шаги, и он ощутил движение воздуха, как будто кто-то прошел мимо.

Наверное, Гедеон!

Беляков отнял одну руку от пылающего лица и сделал хватательное движение, пытаясь поймать Гедеона, однако монах сильно толкнул Белякова — тот

¹ В 1927 г. Саров входил в состав Пензенской губернии.

еле удержался на ногах, схватившись за грядку¹ телеги, и буркнул:

— Изыди, исчадие адаво!

А потом хмуρο спросил своих:

— С этими что будем делать? Донесут ведь...

— Люди добрые! — заблажил возчик. — Помилуйте! Мы молчком! Клянемся! Никому и ничего!

— Молчать будем, как мертвые! — горячо подержал и Елисеев, однако тут же умолк, словно подавился словами, которые сейчас вполне могли оказаться пророческими.

«А ведь убьют, как пить дать, — подумал Беляков, вмиг похолодев так, словно уже сделался покойником. — Да что же это... Как же это... задание государственной важности... Товарищ Тарашкевич из Пензенского губисполкома так и сказал: «Доверяем вам, товарищ Беляков Михаил Афанасьевич, и вам, товарищ Елисеев Иван Трифионович, доставить ценнейший груз, имеющий огромное идеологическое значение, в Москву!» И как хорошо все было задумано: двое саней поехали к Нижнему чисто для отвода глаз, одна телега к Пензе с сильной охраной, как будто они везут главный груз, а мы тишком из Сарова нарочно пробирались в объезд: через Дивеево, через Глухово, через Арзамас, чтобы со следа всех сбить, чтобы наверняка попасть в Москву, чтоб кости эти проклятушие туда непременно привезти! А теперь я сам костями лягу?! Пристрелят да в болоте утопят. Лошадь с телегой угонят. И все! А вдруг наши подумают, будто мы сами подались к этим разбойникам, будто сами украли груз? Что с моей семьей за это сделают?! Матвеев, уполномоченный Пензенского ОГПУ

¹ Грядки телеги — две продольные жерди, сверху и снизу, образующие боковые края тележного кузова.

по Краснослободскому уезду, член уисполкома¹, — он же зверь зверский! Еще в антоновщину² лютовал! А дети?.. Дети мои? Жена беременная... Убьют ведь всех до единого, как мы с Матвеевым убивали семьи тех, кто к антоновцам ушел...»

Голову ломило от этих страшных мыслей, от ужаса неминуемой смерти!

— Ну, что делать с ними будем? — снова утрюмо спросил Гедеон. — Глумцы ведь, кощунники. Сколько зла людям причинили! Отпустим — донесут на нас, как пить дать.

— Нет, — слабо донеслось с дороги. — Оставьте их. Они... ничего не смогут...

Голос прервался.

— Гроза! — встревоженно крикнул Гедеон, и по участвовавшемуся хлопанью грязи Беляков понял, что монастырский лесник куда-то бежит.

Некоторое время еще доносились отголоски их с Киприаном-Касьяном разговора, потом слышались удаляющиеся шаги двух человек, которые, кажется, несли какую-то тяжесть, потому что шагали явно медленно.

Наконец все стихло. Слышно было только, как ветер перебирает вершины деревьев.

Беляков не мог поверить, что все кончилось, а он остался жив. Теперь надо поворачивать обратно в Са-

¹ У и с п о л к о м — уездный исполком.

² Имеется в виду Тамбовское восстание 1920–1921 гг. (Антоновский мятеж) — одно из самых крупных народных восстаний против советской власти в годы Гражданской войны. Мятеж обычно называется Антоновским или «антоновщиной» по фамилии одного из руководителей восстания эсера А. Антонова, однако истинным его главой был П. Токмаков, командующий Объединенной партизанской армией и председатель Союза трудового крестьянства. Мятежом были охвачены Тамбовская и частично Воронежская, Пензенская и Саратовская губернии.

ров. Все объяснить. Так и так, напали, груз отняли... Елисей с возчиком подтвердят!

«Вот только зачем они ящик сызнова забили?» — мелькнула мысль.

Лицо вроде бы пекло уже меньше, хотя страшно было даже подумать о том, чтобы открыть глаза. И прошло немалое время, прежде чем Беляков на это решился.

Глянул сквозь непрерывно текущие слезы. Рядом топтались такие же плачущие возчик и Елисей. Лица у них были красные, вспухшие. Судя по всему, он, Беляков, выглядел так же.

— Что это было, Господи, помилуй, Господи, помилуй?! — твердил возчик, истово крестясь.

— Да кто же знает, — пробормотал Беляков.

Елисей ничего не говорил, только испуганно озирался. Наконец выдохнул испуганно:

— Аки гром с ясного неба нагрязнули... не ведаю, что и как...

Потом и он перекрестился.

Белякову тоже хотелось осенить себя крестным знаменем, однако этого он, член партии и старший милиционер, никак не мог себе позволить. Возчик был самый обычный крестьянин, даже не партийный, а сочувствующий, Елисей — всего лишь член Саровского сельсовета. Конечно, даже им было зазорно креститься, а уж Беляков скорее дал бы себе руку отрубить!

Снова отер слезы, огляделся.

Пусто на дороге. Сунулся в телегу — ящик с грузом на месте, под сеном. Зачем же все-таки эти разбойники его снова закрыли да забили?! Ладно, их имена он запомнил, всех найдет и допросит пристрастно...

В это мгновение словно бы какая-то тень прошла перед его лицом. Прошла, да и исчезла.

Беляков проморгался. Опять огляделся.

А чего это они стоят на дороге? Ага... телега завязла, гатили грязь, выбрались на твердое. Надо ехать!

А слезы из глаз почему льются? Ветром надуло?

Странно. Вроде бы он слышал какой-то разговор... какие-то имена звучали... Неужто померещилось?

— Никто ничего не слышал? — спросил осторожно.

Елисеев и возчик пожали плечами:

— Да нет. А чего слышать-то было? Поехали, коли телегу вытолкали, чего тут стоять, зябнуть попусту!

Беляков нахмурился. Почему-то маячило на задворках памяти слово «гроза», однако небо было ясным, откуда бы взяться грозе? К тому же в начале апреля какие могут быть грозы? Чай, не лето! А если по-старому считать, так ведь и вовсе март-позимник...

— Ладно, садимся, дальше поедem, — буркнул он, забираясь в телегу и закутываясь полушубком.

Трясся так, что зуб на зуб не попадал. А лицо все горело, горело почему-то...

«Видать, все же продуло, — подумал Беляков озабоченно. — Как бы не слечь. До Москвы еще ехать да ехать!»

Москва, 1937–1940 годы

— Иногда мне кажется, что Сашка и в самом деле твой сын, — задумчиво сказала Тамара Морозова своему любовнику — доктору Панкратову.

Впрочем, свою фамилию Тамара больше не хотела носить: ведь хлопоты ее мужа, кавторанга¹ Александра Морозова, по разводу наконец-то закончились — и успешно. Собственно, из-за этих затянувшихся хлопот Морозов и оставался до сих пор в прежнем звании, хотя был вполне достоин следующего.

А неприятности между супругами начались еще осенью 1937 года. Тамара вдруг стала тянуть с возвращением из Москвы в Ленинград, где они вполне счастливо жили до той долгожданной поры, когда она забеременела. Кавторанг, который три четверти жизни проводил на корабле, неохотно согласился с тем, что женщине в интересном положении нужен уход куда более тщательный, чем может обеспечить перманентно отсутствующий муж и суетливая, но бестолковая домработница, а потому сам отвез Тамару в Москву, где на улице Спартаковской, бывшей Елоховской, близ Елоховской же церкви, жила ее мать и где жила до замужества сама Тамара. Во все время ее беременности Морозов ни разу не смог

¹ К а в т о р а н г (капитан 2-го ранга) — в ВМФ СССР воинское звание, соответствующее званию подполковника в сухопутных войсках.

вырваться в Москву, однако рождением сына, которого немедленно решил назвать в свою честь Александром, был чрезвычайно обрадован, хотя едва не опоздал к моменту выписки жены из роддома.

Морозов был совершенно убежден, что Тамара немедленно вернется с ним в Ленинград, однако она настолько боялась не справиться с ребенком без материнской помощи, что мужу пришлось-таки согласиться на отсрочку отъезда и обещать прислать Тамаре ее вещи, которые она носила до беременности и которые теперь вновь пришлось ей впору.

Сначала Морозов терпеливо ждал, когда Тамара освоится с ролью молодой мамыши и вернется к нему, однако ждать пришлось как-то слишком долго, и он, наконец, забеспокоился о судьбе своего брака.

Служба, конечно, отвлекала кавторанга от ненужных мыслей, однако они волей-неволей лезли в голову и были на диво логичны.

Если жена никак не хочет возвращаться к мужу и выдумывает для своего оправдания миллион причин, не значит ли это, что ее внимание привлек какой-то другой мужчина? И держит ее в Москве вовсе не уход за якобы внезапно заболевшей матерью, которая, на взгляд Морозова, была вполне здорова, что бы там ни плели врачи (им ведь только дай человека, а уж больным они его непременно сделают!), — а роман с этим мужчиной?

Искать кандидата на роль романтического героя долго не пришлось. Каждый раз, появляясь в Москве, Морозов обнаруживал в поле своего зрения молодого доктора по имени Виктор Панкратов, который некогда помогал его жене разрешиться от бремени в роддоме на улице Бакунинской, а потом окружил ее и новорожденного ребенка необыкновенным вниманием, чуть ли не каждый день навещая их на квартире или встречая во время прогулок, а потом провожая домой.

Ну ладно, Морозов готов был допустить, что врач-акушер может проникнуться страстью к столь яркой женщине, как Тамара, похожей на грузинку своими черными глазами, смоляными косами и точеным смуглым лицом. Хотя, с другой стороны, врач имел возможность наблюдать эту женщину в столь неприглядной, не сказать — в безобразной, по мнению Морозова, ситуации, как роды... Откуда тут вообще взяться страсти?! Впрочем, как говорится, возможно, что и такое возможно! Но с чего у привлекательного, молодого и холостого доктора вдруг возникла столь неодолимая привязанность к ребенку, которому он помог появиться на свет? Ладно был бы это хоть самый первый младенец, которого принял Панкратов, однако он проработал акушером много лет...

Итак, прекрасная женщина, которая всеми правдами и неправдами оттягивает возвращение к законному супругу, и ее ребенок, от которых буквально не отходит молодой мужчина... Какой вывод может сделать из этого супруг? Да такой, что он обманут.

Во-первых, ему изменяют сейчас. Во-вторых, ему изменяли и раньше. В-третьих и в главных: это вообще не его ребенок!

Теперь Морозов вспоминал, что ему всегда казались подозрительными слишком частые отлучки Тамары в Москву. А с другой стороны, если у женщины муж — капитан, ей не составит труда встретиться с любовником, и не покидая собственной квартиры! Возможно, Панкратов наезжал в Ленинград, где они с Тамарой и зачали дитя.

Тяжело Морозову было смириться, что Сашка — не его сын, но все же пришлось.

Кавторанг совсем было собрался окончательно выяснить с Тамарой отношения, однако тут внезапно умерла его теща. На похороны, на девять дней и на сороковины он приехать не смог — был в плавании,